
Евгений ПОПОВ

* * *

Вся наша лирика бесхозная
В нервном свете сверхдержав
Качается фигурой грозною,
Как отслуживший дирижабль,

Величественно и торжественно
И всем приметам вопреки,
Покачивается чуть женственно.
Так по-мужски глядит быки,

Чтоб выбрать цель в тоске предсмертной
И протаранить чей-то торс.
Поберегись же, вождь инертный
Как бы ты ни был тостокож!

Плывет такая винтокрылая...
А вот взорвался водород.
Эпоха рухнула унылая,
И обернулся вдруг народ.

* * *

Сначала крест как первая звезда,
Потом — по состоянию погоды:
То блюдце месяца,
То мировые воды,
То классика седая борода.

И каждому мерещится свое:
Кому-то куртуазная картина,
Кому-то воркование втроем,
А этому — расквашенная глина.

Ведь дождь с утра развесили опять,
И радостно листва его приемлет.
Земля раскинулась и тихо дремлет,
И вече на пеньке блестит опят.

Евгений Александрович Попов — поэт и прозаик, автор книг «Птицы в городе», «Сильное небо», «Западно-восточный ветер», «Памятник тяжелой волне», «Открытое дерево», «Четырехгорка», «Генкины паруса». Живет в Санкт-Петербурге.

Я есть хочу. И завтрак на столе.
Мы видим лес задумчивый и мокрый
И наблюдаем за смешной сорокой.
Открыта книга на Па-Де-Кале.
Разгуливает осень на дворе.

* * *

Избушка смотрит в лес,
Ей хочется туда.
Там сосны до небес
И темная вода.

Там зверское житье,
Там лапы да грибы,
И каждому свое
От матушки-судьбы.

Туда и человек
Приходит на разбой.
Охотник-дровосек
Любуется собой.

У каждого рычаг,
Лицензии багор.
Он весь идет в лучах,
Егоросвятогор!

Он вылечен давно,
Во рту он носит мозг.
Он человек кино.
Он глаз сменил на мост.

Из гулкого себя
Он достает алмаз.
Он вроде голубя,
Он повелитель масс.

Мы тоже из тюрьмы.
Мы тоже не слабы.
И мы с тобой, и мы
Уходим по грибы.

Сначала виден крест,
Как первая звезда.
Потом увидим перст.
Потом заест среда.

* * *

Идите вы к предприниматери,
Потом клубитесь облаками!
Оратаи, а не оратели
Успешнее в природохраме.

Живем в футбольной мироздании,
В колесах этих оборзения
Идет людей перегорание,
Больное, как перехотение.

В тотализаторах гадания
И в подтрибунных помещениях
Нужду справляет игромания
В простом примере упрощения.

Всем хочется другой истории,
Но кассовые ожидания...
А там другие категории —
И тут согласны все заранее.

* * *

Как быстро летит птица,
Этот потомок ящеров угловатых!
Мы смотрим на улицу, уплетая пиццу,
Здесь сегодня много гастарбайтеров бородато-усатых.

Все меняется в мире...
Вот, пишут, русских становится больше.
Друг смеется: эту статистику надо читать в сортире,
А к действительности надо подходить как к Польше.

Вот лежит асфальт, как ни странно, не меньше века,
В нем растения делают дырки.
А сосед говорит, что у зенитовского хавбека
Все финты стандартны, как под копирку.

* * *

И опять все на месте. Какое счастье!
Отгремело, отгрохало, отругалось,
И на темном востоке, провожая ненастье,
Линза радуги образовалась.

И мы смотрим в эти крутые ворота,
Догоняем детство, ныряем с места,
Как с Эвереста,
Согласно природе и гостям,
Когда становится особенно невыносимо и тесно.

Все щебечет, блестит, цветет и слышит друг друга,
Этим счастьем простым мир величественно увенчан.
А у птиц порхающих, бегающих и поющих
Ножки тонкие, как у женщин.

* * *

Не дождешься дождя,
Да и ждут-то не все,
У кого только сад-огород.
Этот хочет вождя,
Этот — наоборот.
Леша хочет ходить по росе.

Хорошо бы по утренней, где коростель
Каждый май все зовет и зовет.
Леше хочется очень покинуть постель
И шагать, все вперед и вперед.

Вот, напрячься бы, встать и далече лететь,
Хоть по ветру, хоть против него,
И стараньем и скоростью переболеть
И устать от дорог и тревог.

А пока Леша смотрит на тучу в окне,
И пока эта туча течет,
Так ему хорошо и комфортно вполне,
Разве что отлежалось плечо.

И синица тинь-тинь,
И бубенчик дин-дон,
И отважен кружащийся лист.
На столе улыбается черствый батон,
По экрану бежит футболист.